

Чубун (Струк) Пелагея

Михайлівна

м. Шостка, 13 липня 2013 р.

Інтерв'юер: Тетяна Пастушенко

Оператор: Микола Парамонов

Присутні: Микоал Кокшайкін

Транскрипт: Ярина Сочка

Сегодня 13 июля 2013 года, мы находимся в городе Шостка, Лазарёвка, улица Кооперативная 51. Мы записываем интервью с Чубун-Струк Пелагеей Михайловной. Я прошу Вас рассказать о себе, Пелагея Михайловна.

– Я родилась в Ивоте. Закончила 8 классов. Во время каникул вся жизнь в колхозе. И потом...в каком году... В

тот год, когда я 8 классов закончила, у нас в селе была только восьмилетка. А через год уже десятилетку сделали. Значит, я год перегуливала, и пошла потом в 9-ый класс уже. И тут начинается война. Во время каникул, во время экзаменов. Помню, последний экзамен был химия. И тут уже все трещит, солдат через село гонят, понаправлению Новгород-Сиверськ, уже страх, ужас, не до экзамен, не до чего. Мы ещё жили возле мосту, солдат гонят через мост, только стучают эти... И команда: «Быстрее, быстрее!». Это нельзя рассказывать так. И пока уже прогонят... А потом уже ж и пошли в колхоз, пока немцы... Пришли немцы, опять же в колхозе работай, больше негде. И пока началась вот эта суета, стали забирать. Ну шо, нас було две сестры, одна замужняя, так та ушла туда, где свекор ее - Жихово, там есть хуторок Новая Спарта. Она туда удрала. А мне уже деваться негде. И меня забрали. Ну, а там лагерная жизнь. Ну как, не евши, спивали все равно. Поспиваем, потом як расплачемся, так и очи красные. Пока дождемся, пообедаеть там, и опять ложишься. Больше нечем заняться було. Так мы прожили до трех лет, наверно. Когда американцы вступили, тут уже свобода - иди копай картошку, иди до хозяина, проси. Вони не гнали, не ругали, шо в их е, сало давали копченое, картошку. Да, ну их же никто не трогал. Мы набрали, шо нам надо покушать и пошли. И до тех пор мы там сновидали, пока не

стала вже репатриация в село... Стали організовуватися партіями, по сотням уже хвормироваться, и назначили день уезда вже со Штайерберга, в ночное время, ждем - вот-вот машины подойдут. Смотрим со второго этажа, идет вереница машин, все с фарами. Ну, подходят, и с каждого общежития по 25 человек сажают и везут, Бог знае куда. (Посмеивается). На родину. И вот это опять в какой-то лагерь, в такой общий лагерь, вже я й забыла куда. А там же с разных областей, со всей Украины, все там. И, опять же, ждуть, когда придет эшелон, шоб погрузить всех на Украину. Там никто ничего не знает, как овечки ходим, друг друга бережем, своих девчат, и всё. А результату никакого. И в один прекрасный день объявляют: «Харьковская область на вокзал». А там не Харьков, там все, толпою. Ну, пропустили нас. И хто как мог, сели в вагон, и везли. А потом уже... Знаете, если б я знала, шо когда-то пригодится, шо-то записала бы. А так, из радости, шо едешь, ничего не надо уже. И вот таким образом нас довели. Куда-то довели, в какой-то пункт. На поле. Там уже пришли якие-то уполномоченные, давать стали картошку сухую, шоб супчик там варили. Сколько мы там сидели, но вже завелися вши в нас. На поле. Варили той супчик, о, опять же: «Собирайтесь, поехали». Опять нас ставят рядышком и на вокзал. Опять привезли, это последний маршрут, наверно, це вже через границу Украины. А тут по областям, хто живет, например, у Шостке, я свою станцию ж не промину, так же. И так каждый человек знает свою станцию, и вже там посходили все. Мы добрались до Воронежской, оттуда пешочком у Шостку. Вот такое путешествие.

А из Шостки тоже пешком?

Из Шостки, да, пешком, девчата шли сельские, все туда пошли пешочком. В село пришли, мы ночь шли, а на утро пришли все в родное село. (Посмеивается). Родители собираются в колхоз, а мы тут пришли. Думали, шо вже и не побачимся.

Так где вы встретили родителей своих?

В родном доме.

А кто у вас дома остался?

Остался...мама и папа.

Расскажите немножко про свою семью. Кто был папа,кто мама, как их звали?

Мама - простая селянка, колхозница, отец работал все время, он грамотный был, он работал на Импульсе в складе. И потом... или вперед в отделе кадров, или потом в отделе кадров работал. И потом клуб Куйбышева, он ходил - «ля-ля-ля» - руководил хором там. Да, после работы руководил хором на Куйбышева.

Значит у вас талант петь от папы?

Ну, может быть и так. (Улыбается). И когда война началась, он тоже ж у колхоз, куда ж деваться. По возрасту в армию його не взяли, и там он уже у колхозе работал. Дом сгорел. Ну, вони ж отам разбирали церковь, деревянная была. И так группами организовались мужики. В этом

месяце давай якусь хатку, хоть маленькую, одному. Толока, как называется. Делали одному хатку, женщины - глину, а мужики - мужские работы. А потом, на следующий раз, (там очередь какая-то была) - другому. И так все время вони этим пострадавшим делали эти хатки, хатинки. Потом, когда вступили советские войска, ну, молодых нема специалистов. Мой папа стал работать начальником почты ивотской. Мама, как обычно, в колхозе. До тех пор работал, пока, уже ж и молодшие есть специалисты, он пошел на пенсию. А яка там, на счет пенсии даже не знаю, яка там была пенсия... В общем, тогда уже молодые фронтовики стали занимать места, а отец уже подомашнему. И до тех пор, пока он и заболел. Заболел по причине, он же кровельщик хороший по соломе. Тогда трудно найти, шоб кровельщик соломой крыл крышу, и було так, шоб никто не придрался, ровно. Как называли, под гребенку. Ну, в колхозе крыл сарай этой соломкой. И там шось погнило, эти латы, эти стропила, все погнило. Он оборвался, упал. А уже ноябрь месяц был, земля была мерзлая. Он упал и сильно забился. И с тех пор он как заболел, так он и умер уже.

А сколько ему лет было?

Сколько?... 68.

Молодой был... А мама долго жила?

А мама - 84.

А вы на папу или на маму похожи?

На папу. (Посмеивается)

А как маму звали?

Ульяна Григоровна.

Она тоже ивотская?

Да, ивотская.

И папа ивотской?

И папа ивотской.

А папа - Михаил..?

Иванович. Их два брата было, и такие два специалиста. Этот, мой отец, четыре класса кончил, ноты сам писал. Руководил церковным хором в Ивоте. А потом вже в Куйбышеве он руководил девчатами.

А как он грамоте музыкальной научился, кто его научил?

Никто, вот никто. По своему слуху. Никто, абсолютно никто.

У него был абсолютный слух, наверно. А он играл на каком-то инструменте?

Ничего не было, никаких инструментов. Он сам по себе. Вот это он такой специалист у нас.

А у вас еще дети в семье были?

Нас пятеро в семье. Четыре сестры и брат один.

А как их зовут? Вы старшая?

Нет, я «с конца». (Смеется). Ксения - вже умерла; Ганна - сейчас жива, ей 83 года; потом я - Пелагея, 1923 года рождения...

А когда у вас день рождения будет?

Ой-ой, 3 месяца надо дожить, не сдохнуть. (Смеется). 10 октября.

Так скоро уже. Хорошо, Пелагея, а после вас?

Елена - 1929 года рождения и брат Анатолий - сейчас живет у Киве.

Брат маленький был во время войны?

Да, уже ж дитя войны.

С какого он года?

37-ого чи 36-ого, я вже й забула.

А, так вас забрали, а мама осталась с вашей сестрой и братом?

Брат был маленький и сестра Лена была. Сестра Оксана в Шостке жила, дом уже тут был. И эта Галя, он уже ж как замуж вышла, ушла в Жихов, Новая Спарта - поселок. Жиховского сельского совета, поселок Новая Спарта - она там жила. Так шо мать была с двумя детьми. И отец оставался, и я, пока до Германии, с ними уже жила.

А вам не рассказывали родители, как они спаслись, когда село жгли?

В общем, присылают письма. И получилось так, шо целая стопа писем, все в нашу комнату. В лагере. Ну, похватали, читают. Одна прочитала - «Павла убили, батька убили, расстреляли». Я схватила письмо первая, пишет сестра, я тоже стала плакать. Наверно ж батька нет, если письма пишет сестра. Аж это письмо последнее, пишет покойничек наш. «Ну, було 10-ого марта. Такой день солнечный, шо текли по улицам кровавые ручьи. Дядю Василя расстреляли, бабушка умерла 5-ого марта, там сожгли, с той улицы, у конце села, согнали всех в одну комору - клуню, бензином облили, всех заживо сожгли. В тот день 400 человек...390 приблизительно тогда человек погубло.» Ну да ладно, батько живой, слава Богу. И там крику було, барак трещал от слез. И братов, и зятёв, и сестер - хто попал под эту лавочку, всех косили автоматами. И вот это мой отец написал: «Текли кровавые ручьи. День солнечный, снежок таял, текли кровавые ручьи».

Так это вам отец в письме в Германии написал, и цензура не вычеркнула?

Нет, нет. Дошли. Может это какой-то солдат немецкий, и они солдату дали эти письма. Мне даже посылочка из Шостки пришла. Покойна сестрица мне килограммовую посылочку, больше нельзя было, печенья нажарила и солдатам передала. И в Германии я получила эту посылочку через солдат.

Я не знала, что с Ивота присылали в Германию письма. А вы писали письма домой?

Я писала. Вот та хфотография, где трое, это из Германии я прислала.

А письма не сохранились, которые вам отец писал?

Нуу, это ж редкий случай, когда мы письмо получили, один раз, наверно. Больше не получали. Только раз нам письма пришли. А то связи никакой. Мы-то писали, но наши доходили или не доходили, я не знаю. Неизвестно.

А как вашу хату сожгли? Отец рассказывал же? Хату ж вашу сожгли в Ивоте?

Сожгли.

А родители как спаслись?

Тут я вже и не скажу. Ну, куда-то ховались, в убежище.

То есть начали жечь не с их конца?

Да. Некоторые ходили с зажигалками, а крыши в основном соломенные были, так немец с зажигалочкой подошел и запалил. А мужичек один вышел, да «пам-пам-пам», а он его убил тут же. А все равно же запалил хату. А то было, налетят самолеты, и там горит в селе, и там горит. Такая бомбежка была. Но главное, до этих пор не разобрались, чьи те самолеты были - или немецкие, или советские (может думали, шо немцы тут у селе). От тогда разговор, я ж так и чула - «шо за самолеты, чьи самолеты бомбили?».

Когда вы приехали домой, уже была у Вас маленькая хатка?

Была маленькая хатка. (Посмеивается). Кое-какая. Ну, я сразу в колхоз работать пошла, а потом мои две сестры. Та, шо у Жихове, у Шостку перебралася. Набирали рабочих специалистов. Она на хлебозаводе работала. Специалиста сразу взяли работать на хлебозавод. От. А друга ж там жила, замужем, и меня туда перетащили, в Шостку. Я поступила на торфоразработку. Я, как написала заявление, шриффт побачили и меня забрали в контору. Табельщиком. Красивое писание, грамотно. Меня забрали в контору, я сразу работала табельщиком. Потом две должности вместе - табельщик-секретарь. И пока работала, приходилось так, шо и сахар выпускала. В общем, смежная такая была прохфессия. А по трудовой книжке, как табельщик. И до тех пор, пока я пошла в декрет. Как пошла в декрет, тогда вже пятеро детей народила, сидела дома, а потом давай нагонять стаж. Так у меня стаж 43 года, 43 года стажу я еще сделала себе.

А нагоняли стаж где? Там же, на торфоразработках?

Нет, туда вже я не пошла, вже на легшую. Пошла я работать у хлебный магазин продавцом. И работала до пенсии, мне льготу 50 лет на пенсию, до 50 лет работала. Уже я получила пенсию, уже у меня стажу хватило на 50 лет. А потом поработала еще немножко, потом уже - «ой, так тяжело, надо трошки отдыхать». Отдохнула немножко, у кинотеатр потребовался кассир, туда пошла работать. И вот так, где только вижу такое место, приблизно, шоб по моему здоровью да по моему уму, и я туда иду. С удовольствием принимали. Записи хорошие у книжке. По разговору не дурная была вроде бы, и меня вот это так до конца уже, пока вот эта власть как стала шо попалоробити, я уже и ушла. Работала и рабочей, и в собесе работала, по обслуживанию населения несколько время работала. А потом, в последнее время в магазине. Малая пенсия, не

хватает, надо отсюда купить, а денег нет - пойду я поработаю. Так работала на коммунистической рабочей. Там магазин был, вы будете знать, магазин в Лазаревке, там работала. Недолго, но полгода всегда продержалась. Уже так силы нет - бросаю. И вот так я набила 43 года стажа себе.

У Вас стаж всюду - и там герой, и тут герой. А как вы с мужем познакомились?

Он пришел с армии. Уже надо было приходить домой после демобилизации, а тут война началась. Опять же, он на три года остался. Он в конной армии служил, здесь в Кавказе. И, когда началась война, их в плен забрали. Он просидел у плену.

В Украине?

Да. Сидел в плену с одним хлопцем. А хлопец давай убежать. И они удрали. Ходили, ходили вместе и решили рассоединиться. Шоб хоть один жив был. Так нашего поймали, в концлагерь отправили, а он домой пришел. А у них же их фотографии были. Приходит, приносит фотографию нашего солдата. Плачь, слезы - «Иван живой!» Он вытерпел плен, не было на нем ни одной волосины на голове, так били сильно. И он как пришел, после этого, он еще в армии советской служил, кем-то там работал, тоже есть фотографии. И потом уже пришло время домой. Домой пришел, и как заболел - головные боли. Сколько мы с ним жили, он все время страдал головными болями. Он и умер - поехал в Шостку и за рулем машины умер.

Как звали Вашего мужа?

Иван Андреевич. Он землянский сам. После армии тогда ж тоже трудно было с работами. На торфоразработку пришел, рабочим, обеспечивать продуктами у магазин. Там мы и познакомились, на торфоразработке.

А в каком году вы замуж вышли?

(Смеется). В каком году... В 46-ом.

А у вас не было таких проблем с поиском работы? Вы писали, что Вы были в Германии или нет?

Писала. Вот как бы скрыла, пошла на завод работать. Некоторые девчата раскололи, не признались, что бывали в Германии, так они пенсию получали по вредности. А я - в Германии была, растепала. Так никуда, на торфоразработку. И там, слава Богу, люди хорошие нашлись, и там не пропала.

Я хочу вернуться к довоенному детству. Можете что-то про школу рассказать, про одноклассников?

Вот одноклассники, на фотографии, (показывает фотографию). Дети, как дети. Бегали, гуляли. Не думали о войне. Уже много умерло. Жалко, вот эта в Германии умерла (показывает) - ОсначТатьяна. Этого, бедного, закатывали в концлагере. Хильковский Иван Григорьевич. Вот этот хлопец такой грамотный (показывает). Идет у школу, так одна тетрадь за ремнем торчит. То, что

вчитель вчера рассказал, он сегодня знает всё. Отакой хлопец, и его убили немцы, гады. Звали его Николай Марченко.

Он тоже попал в Либенау? В Штайерберг?

Да, но там сразу они сделали побег, и сразу их там уничтожили.

Кто еще с вами попал?

Эта - Петренко Галя Степановна (показывает); эта была - Рогочка Анна Григоровна (показывает); эта - Чечун Наталья (показывает). Её как-то взяли, а потом комиссия была, и как-то её забраковали и отправили домой.

А кто ещё был?

Уже й позабывала, память ушла совершенно.

А вы где тут?

Угадайте (посмеивается). Вот, (показывает), обезьяна.

А как вас забирали в Германию? Вам какие-то повестки присылали, на биржу вас водили?

Да, повестки. Не одна, а несколько повесток. И последняя повестка в Шостку на биржу труда. Проверяли по болезни, щоб не больные были. Всё, кого признали здоровым - назначили день отправки. И всё, готовь сухари на дорогу.

А вы могли как-то убежать?

Нет, не можно було. Нас согнали в этот дом, его, наверно, реставрировали, возле Химтехникума. Туда всех согнали. И в ночное время все провожающие ушли домой. Короче, немцы разогнали всех, пустота, только нас загнали в дом, все провожающие пошли тоже по домам. Потом подогнали машины, погрузили, и на Пироговку. А с Пироговки паромом куда-то везли, а там ещё на конях куда-то перевозили, и так аж до какой-то станции.

А, так Вы не через Воронежскую? А через Новгород-Сиверский, по Десне?

Да, да.

Это когда было? Летом, весной или...?

Тепло було. А в какое время я уже не помню.

А что Вы с собой взяли, какие вещи?

Покойный батько бурки пошил и обшил товаром. Галош не было, он товаром обшил.

Товар - это кожа?

Кожа, да. Свинина была - товар такой. Вот это обувь такой обшивали. Ну и там якись туфельки были для лета. А потом пиджачок обыкновенный, на вате, куценький такой. Ну, девчачие вещи - платья, кофточка, рубашка.

А куда Вы всё это сложили? Мешок или чемоданчик у вас был?

Нет, у сумку. Никаких чемоданчиков не було.

А сумка плетеная?

Из холста сумка.

А была у Вас ложка, чашка?

Это обязательно. Ложечка, чашечка, мисочка. И сухарики. У кого с чего было спекти. Сала кусочек. Нема, так деснайдуть, в дорогу ж надо. (Улыбается). Со сладостей ничего не было. Ни конфет, ни сахару. В основном сухарики, хлеб.

Вас Десной довели до станции. В каких вагонах Вы были? Вы сидели или лежали?

Лежали. На сололке. Упокот, ушитную. Как поросята. (Улыбается). И такаж до Германии. А потом уже пересадили кудасть.

А Вы не помните как Вас везли по территории, в каких вагонах?

В телятниках, на сололке. А там в Германии половину эшелона куда-то перегрузили, не знаю, в какие вагоны. А нас уже до станции довели. И нас пешим ходом в лагерь.

Все ивотские попали вместе?

Мы все вместе.

И хлопцы, и девчата?

Нет, хлопцы с нами не бралися. Хлопцев впереди забрали. Первая отправка была перед нами. Те хлопцы, которые погибли, они первой отправкой. Там много мужиков погибло наших.

А чего они погибли?

Из голоду.

А какое у вас было впечатление, когда вас впервые в лагерь привели, помните?

Помню. Жуткое впечатление. Голодные, холодные. Жуткое впечатление було.

Можете лагерь описать? Как он выглядел?

Лагерь культурный. Вся обстановка культурная. Нас комиссовали, от вшей освободили, чистоту навели. Белье на тело нам не давали. А постельное белье каждые две недели менялося. Пришел переводчик, объявил в барак: «Несите менять белье». Наволочку, простынь, пододеяльничек - всё чистое. На счёт культуры разговору не можебуть. Чистота и порядок.

А сколько было барачков на территории лагеря?

Да и не сосчитать сколько их там. Одни бараки для женщин, за проволокой другой барак - военнопленные, третий барак - хлопцы молодые, солдаты немецкие. Ходять, маршируют, спивають. Столько барачков, их не сосчитать.

А ваши хлопцы и девчата были вместе, в одном бараке?

Нет, отдельно, всё это отдельно. Мужиков и близко возле нас не было.

А бараки были одноэтажные? Каменные или деревянные?

Деревянные одноэтажные.

Они были поделены на комнаты?

На комнаты. У нас барак - 8-8. (Посмеивается). Восьмой по счету и комната восьмая.

А сколько всего было комнат в бараке?

Не помню.

А в комнате Вашей сколько было девчат?

Двенадцать.

А где Вы спали?

Нары. Кто внизу, кто сверху.

Был какой-то столик или стульчик? Куда-то личные вещи положить можно было?

Тумбочки были.

А окошко было в бараке?

Ну, открывали ж, наверно.

То есть светло было?

Да, окна широкие, большие.

А кто с Вами в комнате жил? Были Ваши подружки в комнате?

Все селяне наши ивотские. Одна русская была, из Камянец-Подольской области две девочки було.

А где Вы спали, снизу или сверху?

Представьте себе, забула. Я, по-моему, сверху була. А кто внизу даже не знаю. Наверно, тех, кто помоложе на верх, а постарше - на низ.

А в лагере все молодые были или были люди постарше?

Постарше были.

Тоже с Шостки, с района?

Со всей Украины, со всех областей. Киевская, Камянец-Подольская, Харьковская. Абсолютно со всех.

А как вы жили между собой, мирились? Конфликтов не было?

Нет, там мирно всё. Никаких конфликтов.

А можно было общаться с военнопленными нашими?

Нет.

Не разрешали?

Мы боялися сами, шоб не попало.

То есть не угрожали, просто знали, что нельзя?

Да.

А со своими хлопцами могли общаться?

Да, могли.

Когда? На заводе, когда работаете?

Если в одном цехе работают, так чего ж не общаться. Между девчатами и хлопцами проволоки не было, просто был женский ряд и мужской. Попадало так, шо жених и невеста туда попали, ну она ж и пошла к нему туда. Поговорить, чи шо там делать.

А где у вас умывальники были? В этом же бараке?

В этом бараке. И умывальник там, и туалет там, всё там. Внутри. Специальные люди за этим следили - за умывальником, за туалетом.

Их нанимали работать по лагерю или из ваших?

Из наших.

Они на завод не ходили?

Нет, они чистили туалеты, шоббула чистота.

А кормили как вас?

Кормилидуже плохо. И как стали умирать, девчат много умерло, так дали на неделю по литру перегону (молока). Стали давать подмогу. А страшное... Брюква. Кипит, так дышать нечем. А сварится, так ладно, ел бы, давали б побольше. Норму давали.

А куда насыпали?

У нас в каждого своя посудка была. Со своей кастрюлькой или мисочкой идём, и наливают.

Вы кушали у себя в бараке, там, где спите, или была столовая?

Столовая. Хочешь - неси в хату свою, хочешь - в столовой кушай. Свобода была. Як хочешь.

А кроме брюквы, что вам давали?

Бурячок давали вареный. И капусточку давали. Такую голову конскую 41:40 бачилив котел заправляли. Ну, в основном, не нужное такое давали. А как-то пшоняную кашу наварили, но пшоно, наверно, уже ж давнее, и на молоке, главное. Мы на первой смене, а девчата нас сменять пришли, я кажу: «Ой, девки, ништо не ев супу, одни черви». Значит, там завелися уже червяки и их видно вжебуло. Якшо б маленьки, може б не видно, и поели б. (Посмеивается) А то большие. Никто не ел, все повысыпали. Там кудась все повысыпали. Ну и мы ж пришли с работы, пошли и побачилитакже ж саме. Тоже пошли, голодные лягли спать. Только кусочек хлебца получили. Знаете, выжили за счет чего? Сливочное масло давали ежедневно. Не знаю, сколько там грамм було, но кусочек масла каждый день. Скибка хлеба, на хлебе кусочек масла. Вот это много дало для жизни. А без этого масла там же нельзя выжить.

Так Вам кусок хлеба каждый день давали или раз в неделю?

Каждый день. Пайка хлеба и маслеца пайка.

Утром?

Ну, если в столовой обедаешь, так в столовой получишь. Если пойдешь на смену, то бывало так, шо на завод привозят эту самую порцию.

А можно было где-то выкрутить, купить, заработать еду?

Нигде, нигде не можно.

Вы в село не ходили?

Не ходили. И за нами следили, шоб никуда не ходили.

То есть из лагеря не выпускали?

Да. На работу идешь - открываются ворота, полицай ведет на территорию завода. Так же само и со смены. Уходишь - зашли все, ворота на замок.

А было же свободное время?

Сколько хочешь свободного времени.

И чем же вы занимались?

Спали, плакали. Вот еще один эпизод интересный: цевже больше года прошло. Вот там, я недавно в отой книге (показывает) нашла - «Иван Дудар». Этот Иван Дудар, и девочка у него была в лагере, а он работал на кирпичном заводе, там же, в Штайерберге. Вот он говорит: «Девчата, приходите». И мы с этой Валею пошли, рискнули. И шли поздно вечером, вже темно було. Бачим, по дороге едет полицай, со светом. Мы в куветлягли, перележали, поехал, и пошли дальше. Пришли мы до кирпичного завода того, нас два хлопцы встретили - этот Иван Дудар и какой-то его напарник. Нас вони накормили. Там лучше кормили, кирпичный завод - это же тяжелая работа. « - Девчата, давайте вас проведем. - Давайте». А там же по дорогам везде посадка - яблоки, груши. Нарвали нам яблок. Опять же, бачим, шо едет со светом, лягли все, пропустили. И мы пришли в лагерь с этой сумкой, яблок принесли. А мы как зашли в комнату, наши девчата похватывались - «Ой, де вы були? Где вы пропали?» - переживают. Давай мы рассказывать, где мы были, про путешествие. Накормили их яблоками, а улагерь зайдешь - аромат яблок, ужас. Нас же выдадут.(Посмеивается) Мы вынесли эти яблочки, закопали их под проволоку, нашли место. Благополучно обошлось, наелись яблок ночью. Отакой риск мы сделали, шо значит голод.

А Валя - это ваша ивотская была?

Нет, с Дедовщины девочка была.

А были у вас супружеские пары там? Которые поженились в лагере?

Таких, шо поженились не було. Шоб именно там поженились. Там просто дружили, а по приезду здесь уже свадьбу гуляли, уже здесь женились. Такие есть.

Помните, кто это был? Можете рассказать?

Помню. 47:25 Таперик Надя и Михаил... фамилию, хоть убей, забула.

Ивотской тоже?

Нет, из Мироновки. Надя - ивотская, наша, а он - мироновский. Фамилию не вспомню.

А откуда Вы узнали, что они поженились? Она писала в Ивот?

Так Мироновка и Ивот рядом. Свадьбу ж гуляли.

А Мироновка Шосткинского района?

Да. На свадьбу ж она нас приглашала. Цевже мы точно знаем. Надя Таперик.

А помните Марию Денисенко из Ивота, которая за Петра из Камянец-Подольска вышла замуж?

Та наче таких фамилий у нас в селе не было...

Значит, это, наверно, Петро был с Ивота, а Мария из Камянец-Подольска.

Наверно, может и так.

А дети в лагере были маленькие?

Нет, там рождались дети. Но если женщину забирали беременную - медицина пропустила - так ей же деваться некуда, надо рожать. Там деток отделяли отдельно, ухаживали за детьми, а женщины работали. После работы до детей допускали, покормить или побачиться.

Таких маленьких детей было много?

Нет, очень мало. Не много, единицы.

А стало легче после того, как немцы стали уже отступать с Украины, в 44-45 годах? Было какое-то послабление?

Жутко было, страшно было. Во-первых, разбомбили ихние мосты на Эльбе американцы. Они нас в 3 часа ночи, подъем, ведут в строю до Либенау, сажают нас в вагоны, везут туда на работу. Значит, яка работа - этот мост разбитый, а тут понтоны делают. А тут же надо насип сделать. Так мы этот насип вручную делали. Мужики тачками возили, а мы на тачки накидали землю. Мужики тачки возили, шобнасип сделать, шоб проезд был.

А сколько вы так работали?

Недолго. Потому что вже пришел им крах, уже все распалося. Приводят нас у 6 часов вечера, голодных, холодных, мы получили, шо там нам положено и все. А в одно прекрасное утро, уже светло, а нас никто не будит, повставали - «ой, шо ж такое случилось?» Мы зашли, а наша администрация уже ушла, удрали вже все, свобода. Иди, роби, шо хочешь. Дуже жутко было, страшно.

А что вы делали, когда узнали, что уже свобода, что администрация ушла?

Пошли по хатам, просить картошки, хто шо даст. И тогда уже варили это.

То есть вас не кормили уже?

Нет, уже всё.

А когда стали кормить?

Американцы же нас освободили, вонивже давай прочесывать территорию. Как зашли в лагерь, как посмотрели, шо тут народу полно, так они за голову бралися - «столько народу в лагере!» И давай они считать, переписывать. И тогда вже давай завозить продукты.

Но вас никуда из лагеря тоже не выпускали?

Нет, уже все, свобода.

Вы ходили, могли себе одежду раздобыть?

Нет, нет. Мы это не пытались сделать, нам основное пожрать. (Улыбается) А все остальное, то...

Пелагея Михайловна, расскажите про завод. Что Вы делали, где работали? Как завод выглядел?

Заходишь на завод, идешь вниз, вниз, метра два или три, там стена. Там поверхность, а тут только 52:35 электрокары ходят. И тут же здание. Сверху не видно это здание, там растет сосна, трава, все растет, а тут фабрика. Все замаскировано было. Глубокие такие дороги, по размеру - электрокары, которые продукты подвозили в цеха. И по всему заводу канавы эти поделаны... В общем, завода сверху не было. Он весь у земле. Только дорожки эти забетонированы, зацементированы. До каждой дверей подъехали, шо надо взяли или поставили, а дальше весь завод объехали и выходят где-то на поверхности. Опять загружаются продукцией. И вот так мы работали.

А что Вы делали?

Порох.

А вот именно Вы?

Порох резала.

А какой он? Черный? Как это выглядело?

Черный порох, размер примерно вот такой (показывает). Резка пороха.

То есть он твердый был?

Он идет со второго этажа, такие три полоски идут, горячие. Руки были попечены. Тут нас станке вже смотришь, шоб ровно було и правильно обрезано.

То есть Вы по размеру резали?

По размеру, да. Специальный есть человек, он ножи точит, шоб хорошо обрезал этот порох. Шо чуть-чуть не так, например, режешь и чуть-чуть свернул, и уже длина пороха не такая - брак. За брак могут налупить. Точность была такая.

А кто с Вами работал? Только наши остарбайтеры или немцы тоже в цеху?

Голландец или бельгиец сверху работал, заряжал этот порох, а мы вже тут резали, как положено. Бельгиец там был. А со мной, например, две девчонки воронежских було. Два человека режут, а два укатывают. Таки во формы металлические. И равняет, шоб ровненько було. Четыре человека настанку, две девки воронежские було.

А вам деньги платили за работу?

Та шось давали там трошки. (Смеется)

И куда Вы могли эти деньги потратить?

Никуда, абсолютно.

Ну а открытку домой Вы сами покупали, чтоб писать письмо? Вы сами могли купить или Вам давали?

Нет, это можно было купить, такую чепуху.

Был какой-то магазинчик на территории лагеря, куда эти деньги можно было потратить?

Було, шо-то було. Я знаю, шо там детские игрушки продавались, колечки. Но на эту торговлю не обращали внимания, воно нам никому не надо було. И марки эти, хоть выкинь, хоть отдай даром, мы ж заихниче не купляли, абсолютно. Ну, можеякийсь немец работал на смене, так може яка приспособилась девкачи хлопец: «На, купи мне хоть хлеба». Може таким способом. А всем же такой способ не буде.

А Вы с немцами не общались, язык не знали?

Нет.

А в школе Вы же учили немецкий?

Учили.

Плохо?

Мы не интересовались им. (Смеется)

А Вы с кем-то дружили в лагере? Были близкие друзья в лагере? С кем Вы все время общались?

Ну, девочки, со всеми дружила. А женихов тогда ще ж мы не имели.

У Вас жениха не было?

Не было. (Смеется)

Вам неинтересно было?

Не до женихов було, куда там женихи.

А какое-то медицинское обслуживание было? Можно было там предметы гигиены купить? Что-то выдавали?

Ничого. Сами за собой ухаживали. Ничогонихто не давал. Одна девка наша, заболел зуб у нее, и она пошла к врачу. Там врач был русский. Семья была у него. При больнице жили вони. Так они вместо больного зуба, здоровый ей вырвали.

То есть была больница в лагере?

Да, была. Был пункт.

А были люди, которые болели? Или среди ваших не было?

Были. Их заселяли в другой барак. Там они сидели.

А чем люди болели?

В основном туберкулезом.

А Вас проверяли на туберкулез? Были какие-то проверки?

Да, да, проверяли. Тщательно проверяли.

Каждый год?

Ну, какой-то период был такой, шо проверяли.

А Вы в прошлый раз рассказывали про хлопцев, которые убежали. Можете еще рассказать?

Те, шо погибли вони там?..Ну шо, хлопцы...

То есть Вы их знали до того, как они бежали?

Да, одноклассники оба. Ну шо, дома дети грамотные, батьки зажиточные. У одного батько военный, это Хильковский Иван. Ну а шо там жить? Давай удирать. И поймали. Там эти, в белых шапочках, у Либенау этот лагерь был, куда штрафников заганяли. Там еще сильнее муштра была, чем нам. А там еще ж и побои. Вот мы идем на работу под мост, а вони сверху, железная дорога сверху. Их по сходцах спускают на работу сюда, упесочный карьер, шоб песок кидали, (песок кидают они лопатами), а нас под мост. Отак мы и бачилися.

А они были в этом штрафном лагере?

Да.

А чего Вы сказали, что в белых шапочках?

Форму им дали такую, белые шапки.

Пелагея Михайловна, Вы рассказывали, что в этом штрафном лагере были ваши ивотские, да?

Вот и сегодня идем на работу с ними. Их с железной дороги спускают у карьер, а мы в завод дальше продолжаем, под мост на дорогу. А потом уже несколько дней этих хлопцев нема, а которые еще живы показывают...

Что другие умерли?

Да.

А Хильковский умер в этом лагере?

Да.

Вы ещё рассказывали про тех, которые убежали, и их не могли найти.

Ой-ой...То были такие хлопцы, шо жили десь у канализации. Их трое начебуло... Два точно було.

Два ивотских, а один из Запорожья.

Да, точно. Ну, один ушел до невесты в лагерь.

Это кто был?

Петренко Алексей. Ушел в лагерь. Те ему не разрешали, и он самовольно ушел. Он побыл в лагере, и опять же туда к им пришел. А вонийогопомстилися. И його прирезали там. Но он

оказался живой. И його где-то немцы нашли. Умирающим. Забрали його, выходили його. Этого Петренка. И так лечили, шо он выздоровел. Немец дежурит возле його, а тот ходит туда-сюда, тренируется. И опять же он удрал. Туда же, до тех хлопцев, шо его порезали. И його там прикончили окончательно.

А этих хлопцев как звали?

Звали... Хрен знае, вже не помню... Антон - одного, ивотского. А запорожского не знаю.

Так эти хлопцы дождались, пока война закончилась? Которые остались живы.

Нет, этого Антона, он з Ивота на Куйбышев шел, по дороге кто-то застрелил. Наверно, родители того Петренка. Так все думают. Кому он надо? Он пошел на базар у Шостку, и по дороге... Тогда же автобусов не было, пешочком. И убили его там с оружия. Застрелили. А тот запорожский, Бог знае, своим путём кудась пошел.

Но эти хлопцы, которые в канализации жили, дождались окончания войны?

Дождались окончания войны.

А как же они жили в канализации, за счет чего?

А там же тепло було, а ночью ходили шо-нибудь украсть. Яблочко или картошка или шось...питание.

А Вы рассказывали, что у вас свадьба была.

(Улыбается) Была. Немцы ж... Полицай. Понравилась наша одна девка. Он и приударил. Ну, шо девки? Деваться негде. Идёт и всё. Вони давай жить вместе. Вони там двое детей нажили. А эти все: «Давай, Дуня, кажи Николаю, давай свадьбу гулять». (Посмеивается) Ну яка свадьба... Он где-то эфиру достал. А мы ж знаем, ивотчане, как эфир колотят да пьют. И картошки. И кусок хлеба уже лишнего. Погуляли мы там, и вдруг... У нас застолье same, Дунину свадьбу гуляем, а была Криста там, немка. И немку: «Криста, садись». Угостили ее этим эфиром, а ей стало плохо. (Посмеивается) И тут караул, как налетели полицаи, давай нас лупить, «где взяли?». И нам пришлось признаваться: «Николай нам принес, у нас свадьба». Ну, Николая понизили в должности. Криста цела осталася. Мы все выпивали, мы все живы. А Криста ж не знала такого, шо можно пить эфир. От это такое было.

А потом эта Дуня так и осталась с Петром замужем? Она ж ивотская.

А его убили там, он был дуже жестокий. Его там чисто убили. Камнями. Кого он лупил...ну, за наказание какое-то. Его там уничтожили этого Николая. А она осталася с двумя детьми. Наши селяне помогли ей приехать сюда с детьми. Так дочка старшенькая умерла тут, у селе, а сын сейчас жив, но такой пьяница. Дочка уже умерла, а сын, наверно, пьяница. Я так чула, шо дуже пьет горилку.

Так она второй раз замуж не вышла?

Не-е, куда там уже замуж.

Вот Вы говорите, Петро был в начальниках лагеря, лупил. А чего он лупил? То есть полиция была из своих же, из хлопцев в лагере?

Да, из своих хлопцев, своих били. Из Клишок был полицай, дуже жестокий. Его тоже там уничтожили, убили. И Зубченко был, по-моему с Воронежа, он удрал, но не такой же преступник, но хитрый, удрал. Вообще с лагеря смылся. А один, из какой области, я уже и не помню, но той даже свободно... Хотя никто его и не трогал. Такой хороший был полицай, но он для этих людей, которые в лагере, никакого вреда не делал. Он жил нормально и уехал домой нормально.

А за что людей били?

Ну, за что... Где-то картошку нашли, они ж проверяли часто комнаты: «Шо в тебя в тумбочке? Шо в тебя в тумбочке?». Нашли картошку - «де взяв?». «Там вкопав». И пошел же жлупцювать.

И девчат, и хлопцев били?

Девчата ж не лазили по картошках, хлопцы ж в основном.

А сколько было полицеев - пять или больше?

Микола, клишковские, Зубченко... Я знаю четырёх.

А из немцев были начальники

В основном немцы этими полицаями руководили.

А у Вас в бараке была какая-то начальница или начальник?

Нет, никого не було.

А Вы говорили, немка зашла, это кто?

Ну, она проверяла. Прошла по общежитию, шоб пол помытый был. Отакое, надзиратель, как бы.

Она была только в Вашем бараке надзирательницей?

Кругом, кругом. Утром пришла, посмотрела, хорошо, чисто, и пошла дальше. Это её работа была.

А кто был начальником лагеря, знаете?

Может раньше и знала, а теперь я уже ничего не знаю.

Ну, был начальник?

(08:10) Был, был. Был Хвин (фин????), ну тоже ж от рабочих чула, Хвин, такой жестокий, шо сильно бив, ни за что збивав людей. Його убрали, а стал другой, уже стала жизнь лучше в лагере. Сменился начальник, стало жить лучше. Питание стало лучше, не такие условия жестокие.

А было такое, что весь лагерь собирали на площади, объявления делали? Или вы там каждый сам по себе?

Было. Как ушли несколько с лагеря, мужики ушли, всех на апель собрали, поставили строем, и давай читать. Кто багато там рассказуе, кто гроб тут поставит, между нами. «Вот всем так будет, если будете делать побег». Апель называлось.

То есть апель собирали, когда какое-то чрезвычайное событие?

Да.

А просто новости какие-то не рассказывали?

Нет, никаких новостей. А то було, хфотограф придёт: «Идите, фотографируйтесь, если вам хочется». Просто так, как бы свобода.

Вот ту фотографию тогда сделали?

Ага. (Берёт фотографию, показывает)

Расскажите об этой фотографии.

Ну шо... Народ стоит сзади, просто смотрят или тоже хотят сфотографироваться, кто их знае. (Улыбается)

Вы деньги платили за это?

Нет.

То есть он просто так?..

Просто так, да.

И Вам потом принёс фотографию?

Да. Предлагает сфотографироваться, садится, посадил на лавочку - «смейся!», да ще йматюка. Все «ха-ха-ха», вот тебе и смешная фотография получается. (Улыбается)

Подождите, он наш был?

Нет, немецкий хфотограф.

А матюки?

А матюки русские.

Откуда он знал?

(Смеется) Русский матюк кругом славится. Да... «Смейся!», та такую... Вот все и смеются, хоть на душе и не смешно.

А в чём Вы ходили на работу, у вас спецодежда какая-то была?

В основном своя, а в последнее время стали костюмы давать, но их не всем попало. Кому попало, кому... Я, например, не носила, потому шо я не достигла до тех костюмов. Их очень мало привезли в лагерь, не всем хватило.

А обувь?

Обувь давали, такие колодки. Деревяшечки давали. Ну, мы пока свои дотрепали, свои донашивали. А кто вже... нема в чём обуться, то в колодках отих идешь - «стук, стук».

Вы носили колодки?

Нет, не носила. Мне своего хватило.

А можно было купить какую-то тряпку? В других лагерях, рассказывают, что привозили какую-то поношенную одежду.

Привозили, где-то разбомбило людей, так они собрали все вещи и принесли в лагерь. Там свободное место, кинули - «выбирайте, кому шо надо». Я, например, одно платьице такое теплое, суконное одно взяла, а другое, уже не с чего было выбрать, узяла, но оно уже такое нияке. Вот это две вещи брала.

А можно было пойти, не сразу, может позже, подработать у бауэров местных?

Можно було. Когда сезон, картошку копают, так приезжает у лагерь хозяин. И предлагает, через контору, приходит: «Кто хочет заработать картошки?» Кто согласен, кто еще силу имеет, идут, соглашаются. Зато уже там сколько картошки давали...

Это в выходной день?

Да, в выходной день.

Вы ходили?

Нет, не ходила.

Вы говорили, что песни пели, а сочиняли какие-то песни?

Да мы свои, украинские, привезли туда все.

Я знаю, что сочиняли еще какие-то на месте, да?

У нас не было сочинителя. Мы свои украинские песни поспиваем, весь барак трещит. Проспивали, а потом пошли, лягли, поотдыхали. (Смеется) Такое було.

А какие Вы песни пели, какие тогда модно было?

Ну, тогда модные, они и теперь модные. “Повійвітре наВкраїну, де покинув я дівчину”.

А еще что? Какие ваши ивотские песни?

“Как родная меня мать провожала, тут и вся моя семья набежала”. (Посмеивается)

А скажите хоть слова этой песни, хоть словами, если петь не можете. Я ж не знаю.

“Ох, куда сынок идешь? Ой, куда ты? Не ходил бы ты, сынок, во солдаты. В Красной Армии штыки, коль, найдутся. Без тебя большевики обойдутся”. (Смеется) Всё позабыто вже, всё.

А ещё какая? Никто ж уже эту песню не поёт. Все слова уйдут с Вами.

Это у меня десь записано есть.

Да, записано?

Да. “Ой, куда сынок идешь? Ой, куда ты? Лучше б ты женился...” Ну, в общем, в таком духе.

“Чтоб ты был женатый.”

Ага, шоб женатый був. Ой, не могу сказать. Не могу сейчас сказать.

А на гармошке кто-то играл? Были какие-то танцы?

Были, были. И танцы были. А один пацан с Чаплиевки приехал и привез гармонь. Там, невеличкую. А мастер його почему-то узнал, и он ему гармонь настоящую купил. Так он как заиграет на весь лагерь, там было веселье целое. Було такое.

Так он часто играл по выходным?

Та всегда, а шо ему делать - получил пайку, съел и пошел играть. И девчата танцевали.

Покажите этот Ваш чемоданчик, пожалуйста. Какие ваши наряды остались?

(Открывает) Нет, это не то. Там другой чемодан.

(Открывает, достает пакет с бусами)

О, бусы.

Ух ты, стеклянные. Это у Вас такие модные были?

Ну да. Вот это хвартух я вышивала такой. (Показывает)

Ага, так вы вышивали не крестиком, а такими...

Да, да.

Это у Вас ивотская вышивка такая?

Да, сама думала.

Вы сами вышивали?

Сама, да.

(16:37 - 16:50)

(Достает еще один фартук)

Отакой у Киев отдала. (Показывает на первый фартук) И голубой.

Тут и платье? Сорочка, да?

Да. (Достаёт из чемодана.) Ну, вот это сорочки такие. От мамы, от сестры.

Это Вы не как костюм, а как домашнее взяли?

Да.

(Достаетещеоднусорочку)

Это полотно Вы сами ткали?

Это ж моей тётки, я к этому непричастна.

Ну, я смотрю, рукава домотканые. Или покупное...

(Достает юбку)

Вы в таких костюмах выступали?

Да, это юбка такая.

Какая красивая. А талия у вас какая тонкая. Да, красота. Жалко, что вы уже не поёте.

Дуже, дуже жалко. (Достаёт еще одну сорочку.) И еще у меня тут есть одна. У кого не хватало рубашек, ко мне обращались. Вот, (показывает на узоры), это виноград такой.

Красиво. Это более старая? Она выгорела.

Да, это более старая.

У вас тут раритеты. Давайте, я Вам помогу сложить. Спасибо Вам, Пелагея Михайловна, это очень интересно. С Вами надо почаще и понемногу. А то Вы устали... Вы каждый раз что-то новое вспомните.

Да. (Показывает первый фартук.) Так шо, кто-то пользуется там, оттакой хвартух, там были только листья винограда и гроздья винограда. Такой был хвартух.

Так это Вы сами вышивали?

Это да, я сама. А то крестиком, тоже сама. (Показывает на второй фартук.)

А в какие годы Вы вышивали? Ткань такая недавняя. 70-ые, 80-ые?

Да, да.